

Елена
Нестерина

СЫЩИК, ИЩИ ВОРА!

Сборник
повестей

ЭКСМО

Детские детективы (Нестерина)

Елена Нестерина
Сыщик, ищи вора!

«Елена Нестерина»

2002

Нестерина Е. В.

Сыщик, ищи вора! / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
2002 — (Детские детективы (Нестерина))

ISBN 5-699-07925-4

Одноклассники шарахались от Арины Балованцевой, как от прокаженной, и тут же принимались обшаривать свои карманы, едва новенькая подходила к кому-нибудь близко. Проверяли – не утащила ли она чего... Ведь именно с ее появлением в классе у ребят и стали пропадать деньги и вещи. Это очень обижало Арину, хоть она старалась не обращать внимания на такое к себе отношение. И решила сама поймать вора. Вот уже появились первые подозрения... А вскоре Арина нашла себе надежного союзника, вместе с которым приготовила крючок и наживку для наглого воришки. Оставалось только ждать, когда тот клюнет...

ISBN 5-699-07925-4

© Нестерина Е. В., 2002
© Елена Нестерина, 2002

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	19
Глава V	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Нестерина

Сыщик, ищи вора

Глава I

Отдельная просторная парта

Новый мамин муж Арине понравился немедленно. Тем более что к нему в придачу маме достался новый сын, а Арине настоящий брат старшего школьного возраста. Ещё с появлением Константина Александровича (так звали мужа мамы) Арине перепала новая комната в большом новом доме, свободы и привилегии. А также новая школа.

При встрече со школьным директором Арина Балованцева сразу заявила, что хочет учиться только в седьмом «В» классе – и ни классом больше, и ни классом меньше.

– В седьмом «В»? – удивлённо блеснул очками директор, успевший по достоинству оценить Аринину маму и Константина Александровича.

– Именно так.

Константин Александрович, по профессии банкир, очень хотел порадовать Аринину маму, поэтому старательно что-то подсчитывал в уме. Если в этой школе не было седьмого «В» класса, то его нужно обязательно организовать – что ж, Арине из-за этого уже невозможно среднее образование получить? Но, может быть, ученица всё-таки пойдёт на компромисс?..

– Ну так как же? – спросил он. – Арина, может, ознакомимся с ассортиментом? Что вы нам можете предложить? Из чего нашей Арине тут выбирать?

Директор усмехнулся, такого забавного диалога он ещё не вёл:

– Простите... Я должен только седьмые классы предлагать?.. Шестые, пятые... восьмые – вам не подойдут? Если, конечно, хотите, то можно и...

Мама и Константин Александрович переглянулись и обратились к Арине:

– Ну, Ариночка, как ты хочешь?

– Хотелось бы именно в седьмой «В».

– Ну вот, – сказала мама. – Концепция сформулирована. Скажите, пожалуйста, так можно рассчитывать на седьмой «В»?

– Но... – директор школы чуть присел и развёл руки, как в матросском танце «Яблочко». – Есть специализированные классы: седьмой «А» физико-математический, седьмой «Б» гуманитарный, очень хорошая подготовка...

– Нет, спасибо.

Арина улыбнулась директору, и тот понял, что последний раз он видел улыбку подобного качества ещё будучи солдатом первого года службы, и появлялась эта улыбка на лице одного особенно матерого «дембеля» в самые обидные моменты службы молодого солдата. Суровая улыбка...

– Обычно я учусь в «В» классах. Хотелось бы продолжить традицию, – добавила Арина.

– Конечно-конечно! – воскликнул директор. – Есть у нас такой! Есть седьмой «В»! Правда, непрофильный... Общеобразовательный.

– Мне как раз подойдёт, – ответила девочка. – Спасибо.

– Вот и прекрасно. – Константин Александрович погладил Арину по голове. С финансированием специального класса для Арины можно было не напрягаться.

И директор школы вздохнул с облегчением. Он переживал, что родители новенькой девочки сейчас начнут требовать, чтобы её записали в класс с каким-нибудь уклоном. А в тех классах, которые с уклонами, то есть с углублённым изучением физико-математических или

гуманитарных наук, и так училось много народу – даже с избытком. А в седьмом «В», обыкновенном классе, как раз был большой недобор – всего-то восемнадцать человек там училось. Вот директор и растерялся поначалу. А эти люди сами захотели в обыкновенный класс. И Михаилу Афанасьевичу (так звали директора) не пришлось ни уговаривать родителей новой ученицы, ни укомплектовывать какой-нибудь переполненный класс ещё одним человеком и из-за этого мучиться совестью.

– Тогда вы сейчас познакомитесь с вашим классным руководителем, – улыбаясь, сообщил директор, который так и не узнал о возможном счастье капиталовложений в его школу.

– Конечно, познакомимся! – обрадовалась Арина мама. – Ну, Аришенька, иди, учись! А мы поехали.

Телефон два раза сыграл мелодию из известного художественного фильма, пока, наконец, Пётр Брониславович, молодой и красивый учитель физкультуры, а в недалеком прошлом прапорщик регулярной армии, достал его из глубокого кармана спортивных штанов.

«К директору», – подумал Пётр Брониславович и прочитал то же самое в сообщении. Пришлось отложить газету, раскрытую на столбиках объявлений «Сваха» и «Качественно познакомлю для создания семьи».

– В ваш класс новенькая девочка, Пётр Брониславович, – сладко улыбаясь, сообщил директор, едва Пётр Брониславович переступил порог директорского кабинета. – Какой у вас сейчас урок?

– Окно сейчас, – отрапортовал Пётр Брониславович. – Никакой.

– Да в седьмом «В», в вашем, какой урок?

– География! – без запинки ответил Пётр Брониславович.

– Ну вот и проводите.

Арина хотела сегодня учиться. В её ранце было для этого специально много разных учебников и большая новая тетрадь.

Машина быстро увезла родителей от здания школы, Арина и Пётр Брониславович ещё до нужного кабинета не успели дойти.

– Ну, прошу к нашим, Арина, так сказать, Родионовна...

– Я, – ответила Арина, – в некотором смысле Арина Леонидовна.

– Ясно, – Пётр Брониславович взялся за ручку двери и уже хотел дёрнуть её на себя.

Дверь резко открылась, и из неё прямо в объятия Петра Брониславовича вылетел встрепанный дяденька маленького роста. Арина сделала шаг в сторону, Пётр Брониславович – в другую, и тут за спиной дяденьки шлёпнулось на пол что-то вязкое цвета сыра.

– Что такое? – Пётр Брониславович нагнулся и подобрал лепёшку с пола, а дяденька, очевидно, тоже учитель, бросился бежать по коридору, на ходу теряя много таких же лепёшек.

Пётр Брониславович решительно шагнул в кабинет.

«Сырник – чмо!» – прочитала Арина надпись на двери, сделанную жирным маркером, и тоже вошла вслед за Петром Брониславовичем.

Немногочисленный седьмой «В» замер за своими партами.

Пётр Брониславович понюхал начавшую застывать между его пальцами лепёшку и сказал:

– Что с Сергеем Никитичем?

– Он в своей стихии, – донеслось с последней парты.

– В смысле?

– В сырной.

Классный руководитель внимательно присмотрелся к стулу возле учительского стола.

– Что это за лепня? – Пётр Брониславович с размаху шмякнул ладонью по жёлтому месиву на стуле, схватил первый попавшийся лист бумаги с учительского стола и быстро вытер им руки.

Кто-то сдавленно хихикнул.

Пётр Брониславович оглядел своих питомцев.

– Отставить смех, – скомандовал он. – Лучше поднимите руки, кто сдавал на этой неделе деньги на обеды.

В воздухе затрепетало несколько детских рук.

– Произведём подсчёт. – Пётр Брониславович быстро сосчитал эти руки, ещё раз окинул взглядом месиво и стул, поднял его в воздух и встряхнул, прикинув вес. – Мало.

– Ему хватило, – заметил мальчик, сидящий у окна.

– Отставить комментарии. – Пётр Брониславович грозно посмотрел на него. – И Сергей Никитич сюда сел? Но ребята, это же низко.

– У него был шанс подстелить газетку, – заметил коротко стриженный мальчик со второй парты. – Было бы повыше. Сырник им не воспользовался.

– Это что ещё за умник в наших рядах? Отставить такие разговоры. Это что – сырки?

Класс молчал.

– В столовой на обед были сырки, – настаивал Пётр Брониславович. – Плавленные.

– Нет... – загнусили хором.

– Как это – «нет»? Или вы думаете, что я – склероз? Или Сергей Никитич сел не в сырки?

Пётр Брониславович всё быстро понял. Сырки расплавили на батарее, доведя до нужной кондиции и разложили на учительском стуле. А Сергей Никитич... Бедный Сергей Никитич!

– Ребята, зачем? – вздохнул Пётр Брониславович.

– В знак протеста, – твёрдо сказал мальчик с чёрными кудряшками.

– Какого протеста?

– А чего он... Двойки ни за что ставит, – забубнил коротко стриженный. – Называет чью-нибудь фамилию, а мы и не слышим, чью...

– А он, а он... – подхватила его соседка. – Говорит: «Что, нет его сегодня?» И двойку прямо в журнал ставит!

– Да, как мне в тот раз! – подтвердил коротко стриженный. – А я и не слышал, как он меня вызвал...

– Всё ясно, – покачал головой учитель. – Это вы так восстали...

– Да!

– Так вы ж сами у него на уроке так шумите, что и не слышно Сергея Никитича! – возмутился Пётр Брониславович.

– Мы не шумим! – и весь класс загалдел, как цыганский табор при входе на ярмарку.

– Отставить вопли! – голос Петра Брониславовича был громче табора. – Смирно, орлы. За Сергея Никитича вам должно быть стыдно с полной выкладкой. А вот откуда у вас столько сырков – это вопрос на засыпку. В столовую сколько человек ходят? Три калеки с половиной. А почему, спрашивается? Где забота о собственных подрастающих организмах? На собрании родители говорили, что всем деньги на обеды будут давать. И где эти деньги?

Снова воцарилась тишина.

– А я знаю – где. Все они оседают на прилавках окрестных ларьков, превращаются в эти, так сказать, бирюльки. – Пётр Брониславович повернулся к одной из девочек. – Зачем вот тебе, Редькина, столько колец на ушах?

– Это... мода, – пролепетала веснушчатая комичная Редькина.

– Мода? Это не мода, это называется – ёлка. Ты, Зоя, хорошая девочка, а эта раскраска тебя... ну, так сказать, демаскирует. Отличает от детского возраста. Всё снять и ходить в косынке.

– В косынке? – на глазах Зои Редькиной выступили слёзы.

В классе хихикнули.

– Самая мода. А ты, Мамед, почему весь дневник какими-то бумажками облепил? Что молчишь? – Пётр Брониславович поставил руки в боки. – Это у тебя не дневник, а чемодан туриста какой-то. Прямо «Мистер-Твистер, бывший министр» получается. Оторвать. Где эстетика в наших рядах? Мы и так отстаём от нашей параллели по всем показателям.

– А физкультура? – удивлённо выкатил глаза круглолицый лопухий парнишка.

– Это да. Тут вы правы. – Пётр Брониславович улыбнулся и остановил свой ход по классу. – Тут ваша палка о двух концах – бумеранг.

Арина, до сих пор стоявшая у двери, ничего не поняла, вытащила конфету на палочке и развернула фантик.

– Так, сколько времени от урока прошло? – Пётр Брониславович вытащил телефон. – Ага. Двадцать пять минут. Считайте, что географию вы благополучно сорвали. Произведём, так сказать, разбор полёта. Где сырки взяли? Каким путём они попали в ваши хулиганские руки, если почти никто в столовой не ест? Или вы обкрадываете своих младших товарищей?

– Э... – начал было сидящий за первой партой ученик с одухотворённым выражением лица.

Но тут же получил в спину удар кулаком.

– Я не спрашиваю тебя, Мыльченко, правдивая душа, – погрозил пальцем Пётр Брониславович. – Шибай Костя, это твои проделки?

Стукнувший одухотворённого лопухий парнишка изобразил крайнее изумление.

– Тут меня не проведёшь, тут я вас как облупленных знаю. Отвечать со всей откровенностью. Костя Шибай, говори.

– Да я их под столами собирал. – Костя Шибай захлопал глазами, потому что Пётр Брониславович грозно над ним навис. – Надкушенные.

– А как они там оказались? Грустно, ребята, что ваши соратники игнорируют, так сказать, продукты питания...

– Так вот мы же их и подобрали! – радостным голосом крикнул коротко стриженный. – Вы же сами нас учили уважать пищу.

– Мы же санитары леса! – добавил кудрявый Мамед. – Подбираем мусор и отходы, чтобы грязи меньше было. И перерабатываем. То есть используем.

– Хм... Вот ведь. – Пётр Брониславович задумался. – И не поспоришь.

Седьмой «В» с облегчением завозился на своих местах.

– И всё-таки это низко, ребята, подкладывать учителю такие, ну... штуки. Даже в знак протеста. Давайте эти проблемы решать в честном бою...

– Ура!!!

– Я хочу сказать – в виде дискуссии. С Сергеем Никитичем я поговорю. Но чтобы мне за вас было не так позорно, я...

Все восемнадцать человек седьмого «В» благодарно заверещали на разные голоса, Петру Брониславовичу пришлось снова их успокоить.

– А сейчас я пришёл вам сказать, что нашего полка прибыло. – Пётр Брониславович вывел Арину к учительскому столу. – Арина Балованцева, ваша новенькая.

Весь класс с интересом посмотрел на новенькую, на которую в пылу разгоревшейся дискуссии с учителем никто не обратил внимания. Это была обычная девочка среднего роста, одетая в короткую юбку и серую курточку китайского лётчика – с большим количеством карманчиков и нашивок. На ногах у новенькой были высокие шнурованные ботинки.

– Вот, значит. Прошу любить и жаловать. Ариночка, ты правильно попала. Ребята у нас хорошие, учатся, стараются. Нет, правда, ни одного отличника. Да, это вот минус... Ты не отличница?

– Я ещё не решила.

Петр Брониславович несколько растерялся.

– Ну так вот, будешь у нас учиться, познакомишься с ребятами, – торопливо заговорил он. – Садись куда-нибудь.

– На уроках мне нужна отдельная просторная парта, – спокойно заявила новенькая и направилась куда-то по проходу между партами.

Весь класс следил за ней. Новенькая подошла к последней парте у окна. За ней одиноко сидел спокойный молчаливый ученик.

– Тебе принципиально занимать именно эту? – обратилась к нему Арина.

– А тебе что – одной вся парта нужна? – удивился Пётр Брониславович.

– Да, мне так удобнее, – ответила девочка.

Весь класс обернулся к последней парте. Никто и никогда не высказывал своих претензий Вите Рындиному, который поднимался сейчас со стула и сгребал со своей парты потрёпанную сумку. С бывшей своей парты.

– Спасибо, – улыбнулась Арина и уселась как можно удобнее.

– Ну, ты даёшь, царица полей. – Пётр Брониславович удивился ещё больше, но не стал этого показывать ученикам, а лишь строго сказал: – Вот что, братики-сударики, поскольку наш класс хуже всех посещает столовую, мне сделали замечание. Это не дело. Поэтому завтра все как один должны принести деньги на обеды. Деньги на всю следующую неделю. Так что смотрите у меня, гаврики... Я сам приду к вам перед большой переменной и соберу их. Вопросы имеются?

– Нет! – пронёсся по классу покорный вздох.

– Вот и хорошо.

Зазвенел звонок, но все боялись Петра Брониславовича и не двигались с места.

– Ребята, здоровье – не игрушка. Чтобы деньги на питание принесли в полном составе. И ели еду, – добавил Пётр Брониславович, собираясь уходить. – А я найду способ поприсутствовать на посещаемости столовой...

Пётр Брониславович удалился. Тут же в кабинет влетел Сергей Никитич. Брюки его были в порядке, но ядовитая улыбочка на бледном личике не сулила ничего хорошего. Класс, рванувший было вон, остановился.

– Ну, я вам за это устрою, – схватив журнал двумя руками, проскрежетал Сергей Никитич. – Вы у меня из двоек не выберетесь! У всех, у всех будут двойки по географии, так и знайте! Вот он, журнал, у меня! А вы против журнала – никто! Идите, идите...

И седьмой «В» покинул кабинет географии. Веселье по поводу сырковой мести забылось. Теперь начнётся другая месь – журнальная, двоечная. От Сырника, как в глаза и за глаза в школе называли Сергея Никитича, ничего хорошего ждать не приходилось. Ребята поняли, что своей сырковой мстью сделали себе ещё хуже...

Вместе со всеми уходила и новенькая. Покидая кабинет, она с интересом с головы до ног осмотрела учителя географии, закинула ранец за спину и вышла в коридор.

Так в седьмом «В» появилась новая девочка. Все уроки напролёт она спокойно сидела за своей последней партой, присматривалась ко всем. Новенькая ни с кем не разговаривала, только один раз, посмотрев на расписание уроков, вывешенное на специальной доске в коридоре, спросила:

– А что это за урок такой – алгебра?

При этом новенькая поставила ударение в этом слове на слог «ге».

– Какая ещё «алгЕбра»? – усмехнулась Даша Спиридонова, крупная девочка, которой до всего всегда было дело. – Алгебра! Ты что, не знаешь, что такое алгебра?

– Не-а, – пожала плечами Арина.

Даша презрительно фыркнула. И Арине пришлось объяснить другой девочке, которая стояла здесь же рядом с ней и удивлённо хлопала глазами.

– В той школе, где я училась, не было такого предмета.

– Почему? – удивилась Зоя Редькина, потому что хлопающей глазами девочкой как раз она и была. – Алгебра, физика и геометрия с первого сентября начались. Должны были быть.

– А я ещё в этом году ни разу в школе не была, – ответила новенькая. – Так вот получилось...

– Это как? – ещё больше удивилась Зоя, и многочисленные пластмассовые серьги в ушах и резинки с заколками на её тоненьких косичках мелко-мелко задрожали.

– Да... Сначала мы переезжали, потом отдыхали, а потом как-то что-то... – развела руками Арина Балованцева.

– Ух ты! – восхищённо вздохнула Зоя.

На улице стоял конец сентября...

Даша Спиридонова, которая тоже хорошо слышала весь этот разговор, тут же разнесла по классу весть о том, что новенькая – очень наглая. И отдельную парту ей подавай. И хочет учиться, хочет отдыхает.

Вряд ли кто-то отказался бы от такого счастья – целый сентябрь не учиться. Но никому в седьмом «В» этого, к сожалению, не выпало, а потому многие просто вздохнули, немного позавидовали. Да и продолжили спокойно жить и учиться дальше.

Глава II

А денег нету...

На следующий день новенькая появилась на первом уроке – физкультуре, весёлая, бодрая, вела себя, как все, – бегала, прыгала, рекордов не ставила. После урока, правда, перепутала раздевалки – сунулась в мальчишескую. её хотели показательно обсмеять. Но не успели. Потому что после урока Пётр Брониславович появился возле раздевалок с бумажкой в руках и потребовал обязательной сдачи денег на обеды. Вот тут-то все и началось...

Седьмой «В» отправился к своим вещичкам. И весь класс обнаружил, что денег, которые они послушно принесли из дома, чтобы сдать Петру Брониславовичу, ни у кого нет. Были, точно были, ребята же не дураки. А тут нету...

– Наверно, кто-то пробрался в раздевалки, когда мы на физкультуре были, и нас обчистил! – предположил расстроенный Костик Шибай.

– Кто-то знал, что мы на обеды деньги принесём, – добавил не менее расстроенный и грустный Владик Федюшов. – Хоть и деньги-то небольшие, но странно, странно...

Все переживали потерю денег, но сделать ничего не могли. Хоть и за скамейками шарили, и во все углы заглядывали, и вещички свои по десять раз перетряхивали.

Перемена кончалась, взбудораженные семиклассники носились со своими вещами и что-то кричали. Пётр Брониславович, за которым пришла завуч Маргарита Алексеевна, быстро отдал свой список кому-то из ребят и потребовал, чтобы они сами собрали деньги и принесли ему в учительскую вместе с этим списком. И ушёл вслед за завучем.

Но напрасно он долго сидел в учительской после уроков, ожидая своих гавриков. Никто так и не пришёл и не сдал ни денег на обеды, ни списка.

«До чего же они у меня разболтанные и несобранные... – с горечью подумал Пётр Брониславович. – Ничего поручить нельзя. Плохо, наверно, я их воспитываю... Надо в понедельник не забыть и обязательно разгон им устроить».

Но он всё-таки забыл. С понедельника в школу на практику пришли студентки – будущие учительницы по разным предметам. В этом году их принесло как-то особенно рано, но руководство педагогического института объяснило, зачем так делается – чтобы всем студенткам в течение года практики хватило. Причём практики в разных классах – и в младших, и в средних, и в старших. Чтобы они умели работать с разными возрастными категориями учеников.

Не сказать, чтобы все студентки-практикантки были очень красивые и замечательные, но та, которая досталась седьмому «В», чем-то заинтересовала Петра Брониславовича. Вернее, так он для себя решил. Преподавала практикантка Светлана Юрьевна историю, детей очень любила, чем те немедленно и стали пользоваться.

Когда на уроках Светланы Юрьевны присутствовала строгая комиссия, все сидели примерно, и Пётр Брониславович улыбался с последней парты. Когда же, наконец, и стационарная учительница истории, и преподаватели самой практикантки перестали бывать на уроках, наглые дети начали вести себя, как на вокзале.

Вокзал каждому представлялся по-своему, а потому кто-то галдел, как цыганский табор, кто-то носился со своими вещами, как будто они стали представлять вдруг особенную ценность, а какие-то молодцы решили, что они террористы и взорвали что-то дымное и вонючее. Собирались взорвать ещё – получилось совсем не так громко, как хотелось, однако внезапное появление Петра Брониславовича всё сорвало. И спасло нервы практикантки.

Всю эту неделю седьмой «В» не посещал обеды в столовой. Особенно никто не расстраивался по этому поводу. Тем более что по четвергам в столовой пекли вкусные пирожки. С

самого утра по школе витал сладостный запах пирожков с повидлом, дети принюхивались и замирали в предвкушении... После третьего урока пирожки начинали продавать. В столовой возле окошка раздачи выстраивалась обычно длинная очередь. И все ученики, от мала до велика, бились за жизнь в этой очереди.

Седьмой «В» ничем от других не отличался. Едва по школе поплыл прелестный пирожковый дух, ребята с нетерпением дождались окончания урока и наострили лыжи в столовую.

Но в очереди снова выяснилось, что у многих из карманов и сумок пропали деньги. Не у всех, но пропали – как корова языком слизнула.

– Да что же это такое! – возмутился громогласный Костик Шибай. – Что за свинство!

– Какой гад это делает? – кричал расстроенный Владик Федюшов.

– Я пирожок так хотел скушать... – лепетал, рассеянно приглаживая чубчик, Антоша Мыльченко.

– Ишь, Гуманоид, чего захотел – пирожок! – зло бросила Даша Спиридонова, выворачивая свои карманы в поисках пропавшей денежной купюры, на которую она возлагала большие надежды. О чем и сообщила своим одноклассникам. – А нету тебе пирожков! Дулю тебе...

Лишь несколько ребят из седьмого «В» купили себе пирожков, остальные печально побрели прочь из столовой.

На большой перемене грустно слоняющимся по коридорам ученикам седьмого «В» бросилась в глаза наглая новенькая, которая в одиночестве сидела на подоконнике и основательно подкреплялась – ела бутерброды в ярких бумажных обёртках, запивала их газировкой из большого фирменного стакана с крышечкой и трубочкой. Недавно в городе открылся ресторан быстрого питания под названием «Колокольчик», так что было понятно, что вся еда Балованцевой именно оттуда.

– Ишь, накупила... – вздохнули голодные девчонки и мальчишки из седьмого «В», проходя мимо своей новенькой.

– Её-то не обокрали, видимо... – проворчал Владик Федюшов.

– Да уж, видно, при деньгах осталась, – подхватили одноклассники.

Новенькая заметила, что на неё пристально смотрят, вскочила, собираясь предложить ребятам бутерброды. Но натолкнулась на несколько неприязненных взглядов и, не став выяснять отношений, села на место.

Пётр Брониславович стал регулярно появляться в своём классе на уроках истории. Так произошло и на этот раз – за минуту до звонка Пётр Брониславович оказался в кабинете и уселся за последнюю парту ряда у стены.

– Посижу, за порядком погляжу, – прокомментировал он практикантке свой визит. – А то они, бывает, шалят.

Все, конечно, перестали шалить. Будущая учительница продолжила опрос заданного на дом параграфа, и поневоле некоторым пришлось уткнуться в книжки.

У доски грустно маялся Мамед Батыров и мучительно вспоминал то, чего он никогда не знал.

«Нужно назначить свидание, – подумал Пётр Брониславович, глядя на муки Мамеда. – Я должен действовать решительно».

При Петре Брониславовиче Светлана Юрьевна постеснялась ставить двойку, хотя Мамедка не мог даже ответить внятно на вопрос, в середине чего же были Средние века. И ушёл на место с тройкой. Тогда Пётр Брониславович тяжело вздохнул, ласково глядя на Светлану Юрьевну.

– Слушай, глянь, Пётр Брониславович влюбился! – зашептала тут Даша Спиридонова на ухо своей соседке. – Я тебе точно говорю, уж я-то разбираюсь.

Известие быстро распространилось по классу.

Стало весело. Практикантка не догадывалась, почему с таким интересом все вдруг начали смотреть на неё и слушать её рассказ, но заметно приободрилась и почувствовала себя настоящей учительницей. Даже голос её стал громче и звонче.

Но девочка с последней парты не смотрела на неё и не слушала. Она читала книжку, и посреди своего рассказа Светлана Юрьевна подошла к ней.

– Читаешь? – спросила она у Арины Балованцевой, даже не закрывшей свою толстую книгу.

– Читаю.

Весь класс обернулся к ней. Пётр Брониславович вытянул шею.

– А почему? – спросил он.

– Нравится.

– А мой урок? – искренне удивилась учительница.

– В меру, – честно ответила странная новенькая.

Светлана Юрьевна повернула книгу к себе и посмотрела на обложку.

– «Сердце Бонивура», – вслух прочитала она, – а, хорошая книжка...

– Вы читали? – сразу поинтересовался у неё Пётр Брониславович, который уже хотел разбираться с ученицей, которая не слушала такую замечательную учительницу.

– Нет... Кажется... – пробормотала Светлана Юрьевна.

– Так я вам принесу, Светлана Юрьевна! У меня есть! – вскочил простосердечный Пётр Брониславович. – Люблю, знаете ли, книги про героизм! А вы?

– Ах, ну что вам сказать... – замялась будущая учительница.

И все поняли, что и действительно что-то тут есть.

– Понятно тебе? – зашептала соседке Спиридонова.

Вскоре урок закончился.

И когда наступила очередь физкультуры, которая по причине тёплой и солнечной погоды проходила сегодня на улице, Пётр Брониславович устроил Арине Балованцевой жестокий марафон – десять кругов по школьному стадиону. В классе были этому очень рады – хоть Пётр Брониславович прочит деловую новенькую.

Все остальные пробежали только пару кружочков, разделились на команды и начали носиться в эстафетах – любимом физкультурном упражнении Петра Брониславовича. А новенькая всё бежала.

На четвертом кругу ноги Арины начали заплетаться, однако она продолжала бег, не подавая вида, что устала. Поравнявшись с одноклассниками, она всё время гордо улыбалась.

– Пётр Брониславович, за что? – спросил Витя Рындин, указывая на новенькую.

Десять кругов было серьёзно – площадку перед школой во время строительства всю закатали под стадион, и один круг по ней равнялся примерно трёмстам метрам. Так что уж десять кругов, это о-го-го...

– Пусть бежит, – ответил Пётр Брониславович, – героизма нагоняет себе побольше. Нечего будущих учительниц смущать.

– Сократите, – предложил Витя, тем более что все прочие ребята уже приступили к метанию мяча и не особенно перетруждались. Все наблюдали, как там бежит наказанная новенькая.

Витя Рындин занимался пятиборьем, добился в этом значительных успехов, был весьма мощным мальчиком, а потому Пётр Брониславович считал его своей гордостью.

Петр Брониславович хмыкнул и подумал. А затем, увидев, как Арина Балованцева в очередной раз приближается к нему, свистнул в свисток и махнул ей рукой:

– Достаточно! Сходи! Всё, всё, Балованцева, слышишь?

Но новенькая помотала головой и продолжала бежать. Она, понятное дело, была гордая. Пока все остальные кидали мячи и подбирали их, Витя догнал её.

– Тебе же Пётр Брониславович сказал, что всё, так что давай, останавливайся.

Девочка не хотела останавливаться.

– Сказали – десять, пробегу десять, – ответила она.

– Но он же потом другое сказал, – возразил Витя.

– Надо отвечать за свои слова.

– Но... Он передумал, – упрасивал Витя.

– А со мной так не надо.

– Но ведь устанешь же.

– Ну что ж делать...

– Тогда я с тобой побегу, – заявил Витя и уже не отставал ни на шаг.

– Хочешь – беги.

...Оставалось ещё четыре с половиной круга. Было видно, что у Балованцевой сил уже не было никаких.

– Смешно сдаваться? – еле слышно проговорила она Вите Рындиному.

– Смешно, – согласился Витя. – Тогда давай руку. Так легче. Мы будем беговой машиной.

Новенькая подала Вите свою руку. Они побежали живее, и Пётр Брониславович, сидя на бревне, с грустью смотрел на пару бегущих детей. И представлял, как здорово было бы, если бы и он вот так мог бежать рядом со Светланой Юрьевной...

– Переходите на шаг, на шаг! – когда оставалось уже совсем чуть-чуть, скомандовал он. – Постепенно!

И вот уже Арина Балованцева стояла на бордюре и хитро улыбалась, глядя на Петра Брониславовича. Витя Рындин стоял рядом. Просто стоял рядом и молчал.

– Поздравляю, это достойная победа. – Пётр Брониславович подошёл к новенькой. – Надо любить спорт, и тогда эту же дистанцию можно будет пробежать с более хорошим результатом времени.

– Ой, девочки, смотрите – влюбились! – показывая пальцем на Витю и новенькую, начала было Даша Спиридонова, но Витя резко повернулся и сурово посмотрел на неё, так что Даша замолчала.

На следующем после физкультуры уроке русского языка Витя Рындин молча уселся на свою новую парту, не обращая больше ни на кого внимания. И Балованцева тоже молча достала книжку «Сердце Бонивура», открыла её. Урок начался.

Глава III

Проблемы в личной и общественной жизни

На следующий день после занятий Пётр Брониславович караулил у входа. Высыпали на улицу весёлые практикантки, некоторые захихикали, косясь на него, и в их толпе он заметил Светлану Юрьевну. Нужно было совершить решительный шаг.

Вскоре почти никого из практиканток не осталось, и лишь Светлана Юрьевна стояла на ступеньках. Это был шанс.

Пётр Брониславович приблизился к ней.

– Как вам погода, Светлана Юрьевна? – спросил он. – Сдаётся мне, что дождь собирается.

Дождь тем временем собрался и пошёл. Подул ветер, затрепал плащом Светланы Юрьевны, бросил ей в лицо холодные дождевые капли. Светлана Юрьевна отвернулась от ветра и подошла поближе к Петру Брониславовичу.

– Прогуляться не хотите?

Светлана Юрьевна лишь заулыбалась и, увидев, как к крыльцу подъезжает машина, начала прощаться.

Петр Брониславович только хотел поинтересоваться, как прошёл сегодняшний учебно-рабочий день, но Светлана Юрьевна уже сбежала со ступенек. Навстречу ей из машины выходил молодой человек, видимо, жених.

– Я же книжку вам обещал, Светлана Юрьевна...

Но Светлана Юрьевна лишь кивнула Петру Брониславовичу на прощанье.

И вот машина увезла её, а Пётр Брониславович остался один. Он скорбно вздохнул, совершил отмашку рукой и направился в спортивный зал.

И тут из-за угла вывернул Антон Мыльченко и бросился за ним.

– Пётр Брониславович, вы лучше! – заглядывая своему учителю в лицо, затараторил он. – Просто надо зайти с неожиданной стороны, удивить, поразить! Чем-нибудь таким, чего никто не умеет!

– Антон, что ты говоришь? Отставить подобные разговоры со старшим по званию.

– Пётр Брониславович, я никому не скажу, я сам бываю поражённым любовью! Я знаю средство!

– Какое ещё средство, Антон? А чего тебе домой не идётся? Иди уроки учи.

– Любовь – это романтизм, – закатив глазки к потолку, проговорил Антоша. – Вы ей, в смысле предмету своей любви, стихи напишите!

– Стихи?

– Стихи. Опишите сегодняшнюю встречу, как всё вам запомнилось! – Антон захлёбывался охватившим его энтузиазмом и бежал вприпрыжку, едва успевая за мощной поступью классного руководителя. – И подарите ей! Незаметно так в её сумку засуньте. Ну, и цветочек там, на память...

– Антон, марш домой! – Пётр Брониславович остановился. – И сделай-ка, дружок, двадцать приседаний сейчас, а ещё сто дома, чтоб у тебя всё это из головы вылетело! Ну-ка, раз-два!

Антоша принялся приседать, каждый раз плюхая рюкзаком по полу, потому что в волнении не сообразил выпустить его из рук.

И когда ему пришлось быстро бежать вон из школы под строгим взглядом Петра Брониславовича, Антоша не переставал думать про себя: «Ничего, я помогу вам, Пётр Брониславович, я вам такие стихи напишу, что прямо английская королева сразу в вас влюбится!» И

рифмы уже складывались в его голове одна к одной, и носились перед глазами прекрасные образы – практикантки, ветер, дождь, любовь, мечта...

На этой неделе сдача денег на обед прошла благополучно. Пётр Брониславович, контролировавший этот процесс, передал деньги в столовую и, поскольку его класс теперь в полном составе питался, принося пользу своим организмам, ответственный мужчина смог вздохнуть спокойно. Ведь другие проблемы, более серьезные, заняли его ум и трепетную душу...

А тем временем в его классе в течение недели у нескольких человек вновь пропали деньги. Невозможно было уже терпеть такое, так что ребята возмущались и негодовали.

– Нужно Брониславовичу пожаловаться! – кричал кудрявый Мамед Батыров, потрясая зажатой в кулаке кепкой.

– Пусть полицию вызывает! – пискнула Зоя Редькина.

– Ты что, Редькина, больная? – серьёзно посмотрел на неё Владик Федюшов. – Это же такой позор! Нельзя полицию. Надо самим что-то сделать! Все помнят свои деньги? Какие суммы, какими бумажками? Я, например, свои помню. У меня на одной купюре какие-то цифры карандашом написаны. А на другой – угол надорван.

– А у меня, а у меня... – вылез вперёд Антоша Мыльченко.

– А тебя, Гуманоид, вообще не спрашивают, – оборвал его Костя Шибай. – Что ты суе-тишься? Подожди.

Антон затёрли в угол.

– Слушайте, а вообще странно... – выступила вперед Даша Спиридонова. – Всё ведь было нормально. Пока в наш класс...

– Новенькая не пришла! – догадался Владик Федюшов, но, точно сказал что-то нехорошее, тут же зажал рот рукой и оглядел своих одноклассников. – Ой...

Все посмотрели на новенькую, которая невозмутимо сидела за партой, попивала минеральную водичку и читала книгу.

– У неё-то небось ничего не пропало, – прошептала Даша Зое Редькиной на ухо. – А так бы сейчас возмущалась бы, бегала.

– Да, – согласилась Зоя и с ненавистью посмотрела на новенькую.

– Надо жаловаться, – решительно проговорил кто-то из ребят.

– А как жаловаться-то? – спросил Владик. – Доказательств-то никаких нет.

– И денежек наших тоже... – всхлипнул Антоша.

– Стало быть, нужно найти эти доказательства, – решительно заявил Костя Шибай, усаживаясь за парту.

Ведь давно шёл урок. Учитель географии Сергей Никитич с опозданием явился в класс, раскрыл журнал, огляделся, отмечая, что сегодня в седьмом «В» ведут себя потише, и принялся одного за другим вызывать учеников к доске и пытаться их. Все вспомнили об этом и начали бояться...

Влюблённый Пётр Брониславович тосковал. С удвоенной нагрузкой бегали и прыгали ученики под его руководством. Проходили дни за днями, и однажды Светлана Юрьевна с таинственным видом сама подошла к нему.

– Пётр Брониславович, я и не знала, что вы поэт, – начала она.

– В некотором роде все мы поэты, Светлана Юрьевна, – взбодрился сразу Пётр Брониславович.

– Я обнаружила ваши стихи...

– В каком смысле мои стихи?

– Я понимаю, вы скромный. – Светлана Юрьевна готова была расхохотаться, уж очень Пётр Брониславович был сейчас смешной. И стихи его тем более.

Но прозвенел звонок, и Петру Брониславовичу нужно было спешить на урок. Он удалился, а Светлана Юрьевна, оставшаяся в учительской, принялась показывать какой-то листок своим подружкам, которые долго и весело смеялись над тем, что там было написано.

Антон Мыльченко очень любил поэзию. Он читал множество поэтической литературы – и толстые тома, и тоненькие стихотворные сборнички современных авторов. И мечтал о томике собственных стихов... Чужие строчки не раз приводили его в восхищение. Антон плакал над ними. И не раз он трагически восклицал, наткнувшись на ту или иную строчку:

– Ну как же так?! Меня опять обскакали! Это же моя мысль, моя рифма! Украли, передрали... Эх, и как они об этом догадались у себя в девятнадцатом веке! Ведь это я придумал...

И он, обиженный, но вдохновлённый, бросался сочинять своё очередное произведение. Чужие стихотворные строчки и рифмы переплетались в Антошиной голове с его собственными. Такими стихи и ложились на бумагу – так что даже сам автор не мог уже определить, где он сам написал, а где какая чужая строчка затесалась. Любил Антоша поэзию, очень любил...

И верил, что она всем приносит удовольствие и счастье, да ещё и вершит людские судьбы. Так что обещание помочь Петру Брониславовичу в создании стихов для его возлюбленной, где описывались бы метания и страдания его влюблённой души, не было пустыми словами. Антон Мыльченко не терял времени даром.

И через несколько дней после встречи на ступеньках его сонет был готов. Самым лучшим своим почерком он написал его на двойном тетрадном листе и понарисовал во всех углах букетики цветов для красоты. Вышло замечательно:

Тот день запомню я надолго,
К тебе я подойти не смел.
Моя душа рвалась в осколки,
Но робость я преодолел.
Увидел я твой облик милый —
Стояла ты вокруг девчат,
И плащик твой во тьме унылой
Весь развевался, как наряд.
Тебе готов был книгу дать,
А вместе с книгой своё сердце.
Но тут пришел один другой —
Тебя увез от школьной дверцы.
И я направился домой,
Душа моя завывла волком.
Грустить и плакать мне теперь...
Тот день запомню я надолго.

«Петр Брониславович, Ваш навеки» – так подписал Антон свой сонет, долго и тщательно тайлся, наконец выбрал момент и запихнул листок, слегка помяв его, в сумку, оставленную Светланой Юрьевной на стуле.

– Ну, теперь у Петра Брониславовича всё хорошо будет! – радостно потирая руки, сообщил Антон своей соседке по парте Зое Редькиной.

– Почему?

– Любовь, Зоя, любовь... – загадочно проговорил он, и Зоя выразительно покрутила пальцем у виска.

Светлана Юрьевна, прочитавшая это стихотворное произведение, естественно, решила, что это дело рук влюблённого физкультурника, и теперь старательно избегала его. Показала

безумные стихи своим подружкам, те почитали и выдали резолюцию: с сумасшедшими мужчинами-поэтами связываться опасно. И долго-долго смеялись, цитируя его сонет...

А сам Пётр Брониславович действительно написал стихи, как посоветовал Мыльченко, только не показал их своему предмету любви. Постеснялся. Но услышав о том, что его стихам рады, решил, что Светлана Юрьевна, возможно, умеет читать мысли и даже стихи, которые он пытался в уме складывать, а потому горечь его переживаний стала ещё более концентрированной.

Глава IV

Как вы это терпите?

Сергей Никитич очень любил издеваться над учениками. Этим он попросту мстил за то, что они его не слушались. Чтобы его не тревожили, на перемене перед началом урока он заставлял всех положить свои вещи в кабинет и снова покинуть его – до тех пор, пока не прозвенит звонок. А сам закрывался там один и занимался своими делами. То рисовал на доске какие-то схемы, то заполнял журнал, то читал что-то. А иногда ничего не делал – просто сидел и ждал звонка. А вещички лежали в кабинете – и не все ученики успевали выхватить из своих рюкзаков и сумок учебники, чтобы успеть подготовиться на перемене к уроку. Дома нужно готовиться – отвечал на возмущённые возгласы Сергей Никитич и злорадно потирал ручки. А не успели выучить – вот и получили плохие оценки...

Сегодня он снова заперся в кабинете.

Семиклассники толклись под дверью и обиженно бурчали.

– Опять закрылся там и сидит, – заявил Владик Федюшов.

– С нашими сумками... – пробормотала недовольно Даша Спиридонова.

– А может, он там по ним шарит? – предположил кто-то.

– Ой, а у меня там деньги! – ахнула Зоя Редькина. – Девчонки, деньги же!

Она подобралась к двери и подёрнула её. Дверь не открывалась. Зоя суетилась и чуть не плакала.

Класс заволновался.

– Да подожди ты со своими деньгами! – прикрикнули на Зою.

– Сырник, блин, давай открывай! – нетерпеливо забил кулаками в дверь Костик Шибай.

– Нам параграф повторить надо! – подхватили девочки.

– Что мы, не имеем права?

– А как же алгебра? Не успеем же списать! – вспомнил кто-то оперативный.

– Да... – И класс возле запертой двери заволновался ещё больше.

Но дверь так и не открылась, пока не прозвенел звонок. Никто повторить, конечно же, ничего не успел. Сергей Никитич тут же начал опрос.

И снова выставил всему классу двойки в столбик. Так что теперь каждому нужно было эту двойку «закрывать» – или тянуть руку и отвечать с места, или подходить к Сергею Никитичу после уроков и почти наизусть рассказывать какой-нибудь параграф. Меньше месяца осталось до конца первой четверти, а тут двоек целый журнал. Практически у каждого ученика...

Зачем он это делал? Да просто все шумели на уроке и списывали друг у друга примеры – туго было в седьмом «В» с точными науками. Кто-то на перемене передрал решения домашней работы у седьмого «А», пустил по классу – и всем было сейчас не до географии.

Сергей Никитич почему-то не хотел этого понимать. Вот и сейчас – он разозлился, предупредил, что если сейчас все не перестанут бегать с посторонними тетрадами по классу, то он выставит в журнал девятнадцать неудовлетворительных оценок в столбик. Никто не поверил. Тогда Сергей Никитич потер руки, раскрыл журнал и с довольным видом нарисовал целый столбик двоек.

Класс замер.

– И что теперь? – хлопая глазами, проговорил Костик Шибай. – Зачем нам эти двойки-то? У нас и так их полно...

Сергей Никитич что-то проскрипел в ответ, закрываясь журналом. Ребята подсчитывали свои оценки, прикидывая, что их теперь ждёт, и как исправлять такую неблагоприятную кар-

тину. Сразу стало тихо, физиономии у всех погрузнели. Тетрадки с алгеброй былиброшены, да и до алгебры ли теперь...

Новенькая вдруг вскочила со стула и крикнула, глядя на согнутые в покорности и обиде спины своих одноклассников:

– Слушайте, и как вы это терпите? Над вами же издеваются!

Все оглянулись на неё.

– Раз с вами так поступают, то вы-то чего молчите? – продолжала новенькая, собирая тетради и книжки в ранец. – За поведение двойки в журнал не ставят. А мне совершенно неинтересно получать двойки ни за что. Поэтому я пошла отсюда.

С этими словами новенькая повесила свой военный ранец на спину и уверенной походкой двинулась к двери.

– Э-э-э... Куда, Балованцева? – вскинув руку, протянул растерявшийся Сергей Никитич.

Кто-то, подчиняясь призыву новенькой, уже тоже вскакивал с места.

– Назад! Всем сидеть! Я вам всем ещё двойки поста... – закричал Сергей Никитич, но захлебнулся.

Потому что весь класс ринулся к двери.

– Погнали отсюда, чего тут сидеть! – кричал Мамед, размахивая кепкой.

– Усмиряйте нас в устной форме, зачем двойки-то ставить! – вновь заглядывая в дверь, добавила новенькая, когда все её одноклассники покинули кабинет географии.

– Что-о? – протянул вконец растерявшийся учитель, но дверь за девчонкой уже захлопнулась.

– Ну, всё, теперь он озверееет! – очутившись вместе со всеми под лестницей, схватился за свою кудрявую голову Мамед.

– А что, лучше на урок, может, вернуться? – предложила новенькая.

– Нет уж, – решительно сказала тихая девочка Зоя Редькина, которая хоть и боялась прогуливать, но Сырника видеть уже не желала.

Возмущенные дети продолжали митинговать.

– А что? Теперь вообще на географию не ходить? – спросил порывистый Костик Шибай. – Нет, так не получится. Заставят.

– Конечно, – ответила ему новенькая, которая на этот раз пряталась под лестницей вместе со всеми, – на географию нужно ходить. Очень даже интересный урок эта география. Мы же не виноваты, что этот Сергей Никитич преподавать не умеет.

– Ага, «нужно ходить»... – с сомнением проговорил Костя Шибай, – если ходить, то двойки-то всё равно закрывать придётся. Хоть Сырник будет географию у нас вести, хоть Антоша Мыльченко. А раз закрывать придётся, вот тут-то Сыр из нас все жилы-то и начнёт тянуть. Он нас ненавидит.

– Кровопийца! – услышав свою фамилию, тут же поддержал разговор Антоша Мыльченко.

– Да что там говорить – Сыр-вампир! – усмехнулась новенькая.

Стоящий рядом с ней Костик Шибай весело засмеялся. Засмеялся и его дружок Владик Федюшов.

– Точно! – раздались голоса.

– Сыр-вампир!

– Как ты хорошо придумала, Балованцева! – сказал Костик, поднял руку и хотел дружески похлопать новенькую по плечу.

Но она отступила назад. Не любила, видимо, когда её по плечу хлопали. Так решил Костик, а потому тут же смутился и убрал руки за спину.

– Эх, гулять можно весь урок! – радовался класс.

И тут все занялись своими делами – кто алгебру продолжил списывать, кто просто по коридорам шатался. А что ещё делать? Из школы во время урока целый класс выйти никак не мог – на дверях несли охрану дяденьки-казаки. Они охраняли школьников от внутренних и внешних врагов.

...А Сергей Никитич остался один в опустевшем кабинете географии. Он сидел за своим столом и дулся, точно мышь на крупу, переживая то, что случилось. Ишь ты, какие, в один момент взяли и ушли с урока! Хоть бы кто-нибудь один заупрямился, тогда бы он и остальных смог оставить в классе. А тут все вместе... Нельзя им спускать такие штучки! Жаловаться, жаловаться на этих капризников немедленно!

Так решил Сергей Никитич, оправил на себе свой мешковатый костюмчик цвета мокрой мыши и направился к кабинету директора.

Костик Шибай, отойдя от новенькой, сунул руки в карманы куртки и пошёл себе гулять по коридорам. Сунуть-то сунул, но тут же холодный пот прошиб его – денег в кармане не было. Ни в одном, ни в другом, хотя Костик хорошо помнил, что до этого горсть мелочи болталась там.

«А я-то думаю, чего она от меня так отскочила!» – размышлял Костик о том, что же теперь ему делать. Подойти к новенькой и потребовать: «Отдавай мои деньги»? Так она, конечно, скажет – да не брала я ничего... Но факт кражи налицо. Хорошо продуманная и просчитанная акция. Новенькая выманила всех из кабинета географии под лестницу, там было тесно, кучно. И прошарила по карманчикам. Хитра, ловка... А ведь друг Владик, размышлял Костик, говорил, что за этой девчонкой глаз да глаз нужен. А он не верил. Костик понял, что теперь вывести карманную воровку на чистую воду – для него просто дело чести.

Фиг с ними, с этими украденными деньгами. Вот только как операцию по выведению на чистую воду осуществить и с чего начать?..

На уроке алгебры Костик уселся за свою парту и исподтишка принялся следить за тем, как ведёт себя хитрая новенькая. О том, что он начал своё расследование, Костик никому не сказал.

Как ни берегла ученица седьмого «В» Наташа Сорокваша свой новенький плеер, а всё-таки в один прекрасный день в школе увели его. Горько плакала девочка, а о краже узнал Пётр Брониславович.

– Да не может такого быть, ребята... – развёл руками растерявшийся учитель физкультуры. – У нас ведь раньше никогда... Ничего подобного, никогда...

– Да мы и сами знаем, что никогда. – буркнул Костик Шибай.

– Ага, – подтвердил его приятель. – Никогда у нас в классе такого не было.

– Раньше не было...

– Наташа, так может, ты его по дороге в школу потеряла? Или дома забыла? – заглянул в лицо расстроенной девочке Пётр Брониславович. Он не мог до конца поверить в то, что произошло.

– Нет, он у меня с собой был. В школе! – всхлипнула Наташа.

– Был-был, я видела! – подтвердила Даша Спиридонова, которая всегда всё знала. – маленький, хорошенький, он у неё на шее висел, а потом в сумке лежал.

– А зачем тебе нужно, Наташенька, плеер в школу носить? – Пётр Брониславович не знал, что ещё сказать.

– Да, тебе телефона мало? – усмехнулся кто-то из мальчишек. – он у тебя орет, как сумасшедший всегда.

– Не-ет... – снова залилась слезами Наташа. – Мне его на день рождения подарила бабушка... Чтобы... Ик... В школу ездить не скучно было.

Наташа каждый день ездила в школу на пригородном автобусе. А с музыкой дорога, конечно же, веселее. Плеер у Наташи был просто замечательный. То есть теперь этого замечательного плеера у Наташи не было...

Костик Шибай покосился на новенькую. Она стояла возле Наташи Сорокваши и утешала её.

«Ещё и утешает, – подумал Костик. – Замечает следы. Кто же подумает на такую добрую утешительницу? Ну и хитра...» Несколько человек перехватили его презрительно-подозрительный взгляд, обращённый на новенькую. И тоже смотрели на неё, размышляя о чём-то.

Глава V

Танцы-манцы

В этом году седьмые классы наконец-то пустили на школьную дискотеку. Ещё в прошлом году, будучи шестиклашками, ребята бегали под окнами школы и, слыша, как гремит на дискотеке музыка, завидовали, завидовали, завидовали...

А теперь они полноправные участники дискотечного счастья!

...Пётр Брониславович Грженержевский, бессменный дежурный на школьных дискотеках, в парадном костюме-«тройке», а не в спортивном костюме с лампасами, как обычно, стоял у входных дверей и следил за тем, чтобы на дискотеку проникали только ученики их школы. Параллельно он успевал считать по головам учеников своего класса, пришедших на танцы. Особенно его поразил Антоша Мыльченко – нарядный и тщательно причёсанный на прямой пробор.

– Герой, – похвалил Антона Пётр Брониславович. – А плясать-то умеешь?

– Я с большим успехом танцую современные танцы, – со значением сказал Антоша. – Я не чужд этой культуре.

– Ну иди, иди, раз не чужд... – Пётр Брониславович хлопнул своего нарядного воспитанника по плечу. – Повнимательнее там.

– Я всегда... – начал вдохновенный мальчик, но Пётр Брониславович подтолкнул его вперёд, чтобы тот не создавал в дверях затора.

Уже после того, как дискотека началась, появилась новенькая Арина Балованцева в компании учеников других классов. Она успела уже познакомиться почти со всеми в школе. Но что-то вот, как отмечал Пётр Брониславович, с собственными одноклассниками у новенькой отношения не очень клеились.

Но тут же Пётр Брониславович о проблемах своей новенькой ученицы забыл. Потому что в школу входили студентки-практикантки. И вместе с ними, вместе с ними... У мужественного учителя физкультуры сладко заныло сердце. Он был счастлив видеть Светлану Юрьевну. И впереди его ждали танцы, музыка, радость общения...

Витя Рындин и сам не знал, что его принесло вдруг на дискотеку, до которых он никогда не был охотником. Как он думал впоследствии, это внутреннее чувство опасности позвало его туда, где, как выяснилось, он оказался очень нужен.

Пока же было всё хорошо. Витя стоял у стеночки и наблюдал за тем, как новенькую то и дело приглашают на медленный танец мальчишки из разных классов. Даже десятиклассник один пригласил. Витя тоже хотел пригласить её, но очень стеснялся. Да и танцы терпеть не мог. Так что он просто наблюдал за новенькой и её кавалерами. Но тут её пригласили даже двое одноклассников – по очереди, и новенькая девочка Арина охотно танцевала с ними.

«Всё, раз Шибай пригласил, тогда я тоже приглашу», – решительно подумал Витя, однако всё медлил.

Витя знал, что в классе с каждым днём растёт неприязнь к новенькой. И не понимал причины. Кому-то она казалась заносчивой и высокомерной, а Витя Рындин считал, что она прекрасна. С того самого момента, как новенькая Балованцева не попросила, а почти что командовала освободить для неё последнюю парту, которую он всю жизнь занимал, Витя понял (вот такой вот парадокс!), что лучше девочки он никогда не видел, да и вряд ли увидит.

Потому что новенькая Балованцева затмевает всех. Даже то, что она ворует деньги у его одноклассников, Витю не волновало и не разочаровывало. Она наберёт нужную ей сумму – и больше не будет... Так думал Витя и продолжал любоваться новенькой.

...Костик Шибай тоже наблюдал. Но его взгляд не был таким цепким, как у Вити Рындина, прирождённого разведчика. Всего того, что видел Витя в дискотечной темноте, он разглядеть не успевал. Костик нервничал, бегал туда-сюда между танцующими, потому что объект его наблюдения постоянно пропадал из виду. Он даже пошёл на исключительный шаг – пригласил новенькую на медленный танец. И несколько минут, не отрываясь, смотрел ей в глаза. Он пытался увидеть, как девчонка начнет юлить, отводить взгляд, ожидая, что её вот-вот изобличат. Или как-то по-другому даст о себе знать её нечистая совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.